

Крик Сяо Чэ, исполненный ужаса, прозвучал подобно камню, брошенному в ледяную заводь. Короткая рябь пробежала по мертвой тишине Дворца Чжумин, чтобы мгновенно быть поглощенной еще более глубоким оцепенением.

Се Цинъянь лежал с закрытыми глазами, сохраняя позу беспамятства, однако все его чувства, словно натянутая тетива, чутко улавливали каждое движение в зале.

Он ощущал на своем лице обжигающий, тревожный взгляд, чувствовал близость Сяо Чэ, от которого исходил холодный аромат драконьего благовония, и даже слышал, как в его тяжелом, сбившемся от быстрого бега дыхании проскальзывает едва уловимая дрожь.

— Цинъянь? — голос Сяо Чэ прозвучал снова, став намного ниже и глуше. В нем слышалась осторожность, почти робость, будто он боялся спугнуть нечто хрупкое.

Холодные грубые пальцы, сохранившие уличный мороз, дрожа и едва касаясь, провели по виску Се Цинъяня, стирая несуществующий холодный пот. Движения были неуклюжими и неловкими, совсем не похожими на привычную решительность человека, привыкшего вершить судьбы.

— Ваше Величество, сжальтесь! Господин... господин он... — А Ин, стоявшая на коленях, с нужной долей страха и рыданий в голосе принялась приукрашивать историю о «критическом состоянии», которую велел передать Се Цинъянь. — Снова поднялся жар, он бредит, а из раны на руке... из раны сочится гной с черным налетом... Императорский лекарь сказал... боюсь, это злой яд проник в тело и поразил сердце... У-у-у... — она уткнулась лицом в пол, рыдая с пугающей убедительностью.

— Никчемные! Кучка бездарностей! — Сяо Чэ резко выпрямился, словно разъяренный лев, и его рык заставил пламя свечей в зале заплескать. Сверкая красными от ярости глазами, он обвел взглядом лежащих ниц лекарей и слуг. — Зачем я вас держу?! Если не можете вылечить его руку, все до единого отправитесь в могилу вслед за ним!

Шэнь Янь, услышав это, приподнял бровь. Какая... шаблонная фраза властного генерального директора.

Пошлятина!

— Ваше Величество, помилуйте! Умоляем о милости! — лекари, охваченные смертельным ужасом, забили поклоны, отчего их спины вмиг покрылись холодным потом.

Грудь Сяо Чэ тяжело вздымалась. Он резко развернулся, и его взгляд снова впился в бледное, застывшее лицо Се Цинъяня. Этот безжизненный вид стал подобен ледяному клинку, вонзившемуся в самый уязвимый уголок его души.

Он вспомнил ту снежную ночь в Холодном дворце, когда тело его матери точно так же постепенно остывало. Паника, словно ледяная волна, мгновенно накрыла его.

— Расследовать! — он резко обернулся, и голос его, подобный закаленной стали, прозвучал с грозной властью императора. — Провести тщательнейшее расследование! Проверить всё, что попадает во Дворец Чжумин, и всех, кто к этому прикасается! С сегодняшнего дня любая пища, отвары, вещи — даже иголка с ниткой — должны проходить через тройную проверку! Ван Дэхай!

— Старый раб здесь! — Евнух Ван тут же выступил вперед.

— Следи лично! Чтобы ни одна подозрительная муха не пролетела! Если что-то случится, спрошу с тебя головой! — в голосе Сяо Чэ сквозила не терпящая возражений жестокость. — И еще, немедленно отправляйтесь в тюрьму! Выбейте дух из этих негодяев! Я хочу знать, кто плетет интриги за моей спиной! Я сотру его в порошок!

Поток приказов обрушился на присутствующих, словно шторм, полный испепеляющего гнева. Люди в зале боялись даже дышать.

Выплеснув ярость, Сяо Чэ, казалось, выбился из сил. Его высокая фигура пошатнулась. Он снова опустился на край кушетки, и в его движениях сквозила тяжелая усталость.

Он больше ни на кого не смотрел, лишь протянул руку. На этот раз он не коснулся лица Се Цинъяня, а крайне осторожно, кончиками пальцев, дотронулся до края повязки на запястье, сквозь которую проступали пятна лекарства и легкие следы крови. Движение было нежным, почти благоговейным.

— Холодный дворец... та зима... было так тяжело... — его приглушенный голос звучал словно бред, и лишь лежащий рядом Се Цинъянь мог разобрать слова. — Снег засыпало через дыру в крыше... он резал кожу, как ножи... та безумная женщина... отобрала последний кусок заплесневелой лепешки... а потом... прижгла мне спину раскаленным углем... — его голос сорвался, выдавая детскую, вневременную боль и страх. — Лекарств не было... только снег... было так больно, что хотелось умереть...

Он долго молчал, словно пытаясь справиться с нахлынувшими воспоминаниями. Когда он заговорил снова, голос стал еще ниже, в нем звучало отчаяние:

— Потом... ты дал мне лекарство... появились лекарство и лампа... это был ты... только ты... Цинъянь... — его пальцы бессознательно гладили старый шрам в форме полумесяца на запястье Се Цинъяня, словно проверяя реальность его присутствия. — Не умирай... не бросай меня одного, как она... умоляю...

Горячая влага снова упала, на этот раз на тыльную сторону правой руки Се Цинъяня. Температура была обжигающей, она проникала сквозь кожу, казалось, до самой души.

Сердце Се Цинъяня содрогнулось, словно в него бросили огромный валун! Его холодная, непрístupная защита была пробита этими жгучими слезами и полными отчаяния словами!

Рассудок Шэнь Яня неистово вопил: Ложь! Всё это ложь! Игра на жалости! Он использует твоё сочувствие! Не забывай об отравленном нефрите! Не забывай, как он похитил тебя и как мучил Линь Мье!

Однако страх и уязвимость того маленького монстра, скрытые под маской императорского гнева, подобно острой игле, пронзили остатки сочувствия, сохранившиеся в душе современного человека Шэнь Яня.

Он почти видел перед собой того костлявого ребенка, покрытого обморожениями и ожогами, который в одиночестве зализывал свои раны в углу холодного, разрушающегося дворца. Этот образ был куда сильнее, чем сама слеза.

Черт возьми! Этот тиран... он что, ещё и актер высшего класса?! — Шэнь Янь мысленно выругался, пытаясь отогнать неуместную мягкость.

Оригинал дарил ему лекарства и тепло, а он, взойдя на трон, схватил человека и сделал его своей женой! А теперь ещё и разыгрывает драму? Сценарий просто нелепый!

Но другой, тихий голос в глубине души возражал: А тот нефрит... действительно ли это он подложил? Его ярость и страх... не похоже, что они были поддельными... Если бы он хотел моей смерти, зачем столько усилий с лекарствами? Зачем отпустил Линь Мье? Зачем... сейчас ведет себя как ребенок, боящийся быть брошенным?

Две противоположные мысли столкнулись в голове, словно два бурных потока. Шэнь Янь чувствовал, что его процессор вот-вот перегорит! Сложность этого дворцового сценария превосходила любой код, который он когда-либо писал!

В этот момент Евнух Ван бесшумно приблизился к кушетке. Делая вид, что поправляет одеяло, он едва слышным шепотом, доступным лишь им двоим, произнес:

— Господин... вещь... спрятана... в самом глубоком потайном отделении кровати... снаружи... началось движение... Цуй-эр, отвечающая за уборку во внешнем дворце... час назад... тихонько спрятала что-то в дупле старой софоры у боковых ворот...

Ресницы Се Цинъяня, который всё ещё держал глаза закрытыми, едва заметно дрогнули. Рыба попалась на крючок!

Эта новость, словно ледяная вода, мгновенно охладила все сомнения и хаос в его душе.

Притворство сработало! Ядовитая змея, таившаяся в тени, наконец не выдержала и начала

передавать сведения! Вот она — реальность! Вот то, на чем сейчас нужно сосредоточиться! Что значат слезы императора или тени прошлого перед лицом смертельно опасного заговора!

Он должен воспользоваться этим шансом! Должен вытянуть на свет кукловода! Ради собственного выживания и ради того, чтобы... до конца разобраться в этой партии!

Шэнь Янь подавил все эмоции, и холодный рассудок выжившего вновь взял верх.

Он оставался неподвижным, но его правая рука, которую всё еще сжимал Сяо Чэ, едва заметно напряглась, чертя кончиками пальцев условный знак на широкой ладони императора.

Это был тайный сигнал, понятный только им двоим — метка, о которой они договорились много лет назад, передавая друг другу записки под старой сливой в Холодном дворце.

Тело Сяо Чэ внезапно напряглось! Пальцы, гладившие шрам, замерли. Он резко поднял голову, и его красные глаза впились в закрытые веки Се Цинъяня. В них бушевал океан шока, восторга и еще более глубокого, острого блеска!

Он всё понял! Предыдущая болезнь была ложью! Это был план Се Цинъяня! А прикосновение к его ладони — это просьба о помощи и знак сотрудничества!

Огромный эмоциональный удар лишил Сяо Чэ дара речи. Он крепко сжал руку Се Цинъяня, с такой силой, словно хотел вплавить эту слабую связь в свои кости. Он ничего не сказал, лишь глубоко, очень глубоко посмотрел на Се Цинъяня. В этом взгляде было всё: гнев от того, что его обманули, пронизательность и холодный азарт, а также невыразимое спокойствие.

Он медленно встал. Вся его слабость мгновенно исчезла, он снова стал тем самым властным императором, от которого исходило удушающее давление. Обращаясь к Евнуху Вану, он вернул своему голосу привычную холодность, но в нем слышался скрытый приказ:

— Ван Дэхай, усили охрану, «хорошенько» присмотри за господином. Ни один комар не должен пролететь внутрь и потревожить его «спокойный отдых». — Он сделал особый акцент на словах «спокойный отдых».

— Слушаюсь, Ваше Величество! — Евнух Ван, поняв всё без слов, поклонился и поспешил выполнять распоряжение.

Сяо Чэ в последний раз взглянул на «беспамятного» Се Цинъяня, на мгновение задержав взгляд на его перебинтованном запястье, и, полный невыразимых чувств, широкими шагами вышел из зала.

Его темный плащ взметнулся, словно крылья сокола, готового броситься на добычу.

Двери закрылись, отсекая этот тяжелый и сложный взгляд.

Се Цинъянь медленно открыл глаза. В них не осталось ни тени сомнения — лишь холодная ясность.

На запястье, где его сжимал Сяо Чэ, казалось, всё еще оставался жар и жгучий след от слезы, но он усилием воли отбросил это ощущение. Он посмотрел на А Ин и беззвучно, одними губами, приказал:

— Следи за Цуй-эр... смотри, с кем она свяжется...

Спектакль начался, сеть была расставлена. В морозной ночи глубокого дворца бурлили скрытые течения, и повсюду таилась смертельная опасность.

А их сотрудничество с этим непредсказуемым императором, где ставкой были жизнь и доверие, только начиналось. Острая боль в ране на ладони напоминала: каждый шаг теперь совершается по лезвию ножа.

<http://bllate.org/book/20749/2080026>